

С.Г. Карпюк

ОΧΛΟΣ ОТ ЭСХИЛА ДО АРИСТОТЕЛЯ:
ИСТОРИЯ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ*

Изменение характера афинской демократии в последней трети V в. до н.э. стало общепринятым утверждением в научной литературе, истоки которого следует искать еще в суждениях древних авторов. Данное утверждение обосновывается, как правило, появлением новых лидеров неаристократического происхождения, которые начиная с периода Пелопоннесской войны играют ведущую роль в политической жизни Афин. Выдвижение на первый план "новых политиков" стало возможным в результате изменений, которые произошли в социальной психологии демоса.

В целом подобную точку зрения нельзя не признать справедливой, однако, по нашему мнению, она нуждается в некоторой корректировке и в подтверждении не только отдельными "избранными" цитатами из сочинений древних авторов. Для того чтобы получить более или менее полную и достоверную картину, мы решили проанализировать все употребления слова οχλος в дошедших до нас текстах V–IV вв. до н.э. (до Аристотеля включительно). Рассмотрение его эволюции интересно не только само по себе – оно позволяет уточнить характеристику взглядов древних авторов, употреблявших его в разных контекстах с не всегда совпадавшими между собой значениями.

Изучение терминологии в социальном контексте в последние десятилетия становится все более популярным, появились интересные исследования, в которых трактуется употребление δήμος и πλῆθος в классический период¹; из отечественных работ следует отметить небольшую статью Л.А. Сахненко². Наиболее фундаментальной работой является многотомный труд о социальной терминологии, подготовленный под редакцией Э.Ш. Вельскопф учеными из Восточной Германии и ряда других стран в 70–80-е годы³. Коллективом исследователей была предпринята попытка совместить лексикон, в котором содержится перечень употреблений социальных терминов у греческих авторов от Гомера до Аристотеля, со сборником статей, в котором часть из них анализируется. Составители лексикона отнесли понятие οχλος (как и ὄμιλος) к числу "пограничных случаев", когда оно имеет социальное значение только в определенных контекстах. "Перечисление всех контекстов в подобных случаях не

Отдельные части данной статьи были представлены в качестве докладов на конференции "Политическая философия Аристотеля" (Иериссос, Греция) в августе 1994 г. и на Сергеевских чтениях в МГУ в январе 1995 г. Автор искренне благодарит всех коллег, принявших участие в обсуждении. Написание статьи стало возможным благодаря работе в Американской школе классических исследований в Афинах, руководству которой автор выражает самую глубокую признательность.

¹ Ruze F. Plethos, aux origines de la majorité politique // Aux origines de l'hellenisme. La Crète et la Grèce. Hommage à Henri van Effenterre. P., 1984. P. 247–263.

² Сахненко Л.А. Греческая социально-политическая лексика периода Пелопоннесской войны // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 6. С. 105–112.

³ Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt // Hrsg. von E.Ch. Welskopf. Bd 1–3. В., 1981–1985 (в остальных томах рассматривается употребление греческих терминов в новых языках).

производится, потому что список, состоящий из большого числа цитат, лишенных связи с социальным смыслом, был бы излишним"⁴. Естественно, что в каждом конкретном случае составитель решал сам, какие употребления следует включать в лексикон, а какие – нет⁵. Поэтому, хотя "Soziale Typenbegriffe" и может рассматриваться в качестве отправной точки для исследования, принципы отбора в этом издании представляются мне спорными, и для анализа мною использовались лексиконы и конкордансы, как старые, так и составленные с помощью компьютера⁶.

Первая половина V в. до н.э. была для Греции временем появления новых терминов, новых понятий. Новое государственное устройство, введенное в Афинах Клисфеном, наконец обрело свое имя "демократия" (а не *ἰσονομία*, как раньше)⁷. И именно в это время в текстах впервые появляется термин *ὄχλος*, который постепенно приобретает значение "толпа", "неорганизованное собрание". Подобное значение имело и слово *ὄμιλος*⁸, которое встречается еще у Гомера (например, II. 8.94)⁹.

Распределение употребления слова *ὄχλος* по жанрам также не хаотично. Если исключить единичное употребление его в лирике, сначала его стали широко использовать драматурги (в особенности Еврипид и Аристофан), затем оно появляется в историографии (широко – с Фукидида), публицистике и речах ораторов и, в конце концов, становится достоянием философов. В силу сильно выраженного негативного оттенка *ὄχλος* в рассматриваемый период зафиксирован исключительно в письменной традиции, но не в эпиграфике. Только в конце II и в начале I в. до н.э. *ὄχλος* появляется в надписях¹⁰.

В словарях и лексиконах наиболее древним автором, который использует данный термин, обычно называется Пиндар. Действительно, в IV Пифийской оде поэт прославляет киренского царя Аркесилая IV, победителя в беге на колесницах на 31-х Пифийских играх (462 г.):

Прямо шел он,
Твердо стал он
На площади, где толпился народ

(Pind. Pyth. IV. 83–85. Пер. М.Л. Гаспарова.)

Пиндаровская "заполняющая агору толпа" (*ἐν ἀγορᾷ ἠλήθοντος ὄχλου*) стала

⁴ Ibid. Bd I. S. XIX: cf. S. XX.

⁵ Так, в лексиконе отмечены две трети (18 из 27) употреблений *ὄχλος* Фукидидом и лишь четверть (4 из 16) употреблений *ὄμιλος* тем же автором (ibid. Bd. 2. Sp. 1343, 1357; ср. *Essen M.H.N.von*. Index Thucydideus. B., 1887. S. 316, 336. Впрочем *ὄχλος* в лексиконе отмечен звездочкой, что может обозначать неполноту перечисления контекстов (Soziale Typenbegriffe... Bd I. S. XX).

⁶ *Slater W.J.* A Lexicon to Pindar. B., 1969; *Italie G.* Index Aeschyleus. Ed. altera. Leiden, 1964; *Holmboe H.* Concordance to Aeschylus. Aarhus, 1971; *Ellend F.* Lexicon Sophocleum. Ed. altera. B., 1872; *Allen J.T.*, *Italie G.* A Concordance to Euripides. Berkeley-Los Angeles-London, 1954; *Collard C.* Supplement to Allen and Italie, Concordance to Euripides. Groningen, 1971; *Tragicae dictionis index, spectans ad Tragicorum graecorum fragmenta*, ab A. Nauck edita. Petropoli, 1892; *Todd O.J.* Index Aristophaneus. Cambr. Mass., 1932; *Edmonds J.M.* The Fragments of Attic Comedy. V. I–II. Leiden, 1957–1959; *Powell E.J.* A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim, 1966; *Betancourt E.-A.* Lexicon Thucydideum. V. I–II. 2. Ausg. Hildesheim, 1961; *Thieme K.-A.* Lexicon Xenophonticum. V. I–IV. Lpz., 1801–1804; *Preuss S.* Index Isocrates. 2. Ausg. Hildesheim, 1963; *Van Cleef F.L.* Index Antiphonticus. 2nd ed. N.Y.-L., 1965; *Holmes D.* Index Lysias. Bonnae, 1895; *Preuss S.* Index Demosthenicus. Lpz., 1892; *Concordantia in Corpus Hippocraticum* / Ed. par G. Maloney et W. Frohn. T. I–IV. Hildesheim, 1986–1989; *Brandwood L.* A Word Index to Plato. Leeds, 1976; *Bonitz H.* Index Aristotelicus. B., 1870. Использовались также указатели к изданиям серии "Les belles lettres".

⁷ См. об этом: *Debrunner A.* Demokratia // Festschrift für E. Tüchle. Bern, 1947. S. 11–24; *Vlastos G.* Isonomia // *AJPh.* 1953. V. 74. P. 337–366 и др.

⁸ Сводку его употребления, хотя и неполную, см.: *Soziale Typenbegriffe...* Bd 2. B., 1985. Sp. 1341–1343.

⁹ Впрочем, чаще в "Илиаде" *ὄμιλος* обозначает сутолоку в битве, множество сражающихся. См. *Welskopf E.Ch.* Die Bezeichnungen λαός, δῆμος, ὄμιλος, πληθὺς, εἶθος in den homerischen Epen // *Soziale Typenbegriffe...* Bd 3. B., 1981. S. 184–185.

¹⁰ *Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. Lpz., 1921–1924. V. II. 700,20; 709,5; 730,10 u.a.

предвестницей "рыночной черни" (ἀγοραῖος ὄχλος), о которой позже упоминали другие авторы вплоть до Аристотеля (Arist. Pol. 1319a 37).

Театр. Однако в действительности первое известное употребление термина ὄχλος зафиксировано в трагедии Эсхила "Молящие", написанной, вероятно, в 70-е годы V в. до н.э.: в нем речь идет о множестве воинов (Aesch. Suppl. 182). В более или менее точно датируемой 472 г. трагедии "Персы" уже три употребления: два раза при перечислении войск Ксеркса (Pers. 42, 53), причем синонимом выступают πλῆθος и дважды ἔθνος; в третьем случае речь идет о погибших при Саламине соратниках Ксеркса (φίλων ἄλλος ὄχλος – Pers. 956). И в более поздних трагедиях он использовал этот термин (Sept. 234; Prometh. 315, 827).

У Эсхила термин ὄχλος выступает как синоним термина ὄμιλος, известного еще со времен Гомера и обозначающего множество, скопление людей. Драматург использует ὄμιλος в похожих контекстах и близких значениях: толпа персидских женщин оплакивает ушедших на войну мужей (Aesch. Pers. 123–124; cf. 753–754, 1028), толпа врагов (Sept. 35), полчища скифов (Prometh. 417). У него, как и у Пиндара, новый термин только появляется, не приобретя при этом нового социального смысла.

В "Трахинянках" Софокла, написанных в середине V в., также упомянута большая толпа (ὄχλος) трахинцев, собравшаяся на агоре (Soph. Trachin. 423–424). Поступь "дикой толпы" (ἀγρώστης ὄχλος) донес до нас фрагмент софокловского "Александра" (Soph. Fr. 91 Nauck = Fr. 94 Pearson). У Иофона, сына Софокла, есть упоминание о толпе мудрецов (софистов) (Ioph. Fr. 1 Nauck), что перекликается с "Облаками" Аристофана.

Но настоящий переворот в отношении к толпе совершил Еврипид. Это заметно даже при анализе словоупотребления: при массовом использовании ὄχλος (39 раз, включая фрагменты) ὄμιλος употреблен лишь в нескольких случаях (Eur. Hec. 921; Iph. Aul. 427; Andr. 19; Cycl. 100; Orest. 943); но главное даже не в этом, главное – то, что толпа у Еврипида становится социальным понятием, а не просто определением множества. Охлос – зависимые люди, это – слуги в "державном доме" Тезея (Hippol. 842), в доме Геракла (Heracl. 976). Киклоп при виде Одиссея и спутников его вопрошает: "что за толпу (ὄχλος) я вижу перед своим двором? Морские разбойники или воры пристали к берегу?" (Cycl. 222 sq.), т.е. охлос – это сброд, люди, находящиеся вне рамок общества.

В этой толпе опасно находиться женщинам, девушкам. Иолай в "Гераклидах" говорит:

Нельзя девиц пускать в толпу, сажать
Воймся их у алтаря мы даже

(Eur. Heracl. 43–44. Пер. И.Ф. Анненского).

Агамемнон предупреждает Клитемнестру о том, насколько неприлично ей находиться "в толпе воинов" (ἐν ὄχλῳ... στρατοῦ – Iph. Aul. 35; cf. 1030, 1546). В "Ипполите" кормилица говорит Федре:

Образумься, дитя!
Не пристало царице на людях (παρ' ὄχλῳ) вести
Безрассудные речи. Опомнись, уймись!

(Hippol. 212–214. Пер. С.К. Апта).

Елена считает, что Гермionу нехорошо пускать в толпу (εἰς ὄχλον) (Orest. 108). Антигона же прямо заявляет: "Я стыжусь толпы (αἰδοῦμεθ' ὄχλον)" (Phoin. 1276). Менелай стыдится расспросов толпы (ὄχλος), оказавшись в неподобающей царю ситуации. Толпы боится даже грозный Агамемнон (Hec. 868–869), а Ипполит гордится неумением "иметь дело" с толпой:

Я не умею пред толпой витийствовать
И говорить в кругу немногих сверстников
Мне легче. Впрочем, тот, кто улаживать горазд
Толпу речами, никнет перед мудрыми

(Hippol. 986–989. Пер. С.К. Апта).

Ближе к оригиналу это звучит еще отчетливее: "Средь мудрецов ничтожны те, / Кто соловьем пред сбродом разливается" (παρ' ὄχλω μουσικώτεροι λυγείν).

Однако Ипполит понимает, что его нежелание "соловьем пред сбродом разливаться" уместно лишь в единомыслии в государстве, в котором во главе стоит единомыслии властитель (Eur. Suppl. 411 sqq.). При демократии решение – в руках "выборных толпы": Тиндар, чтобы узнать судьбу Ореста, спешит εἰς ἑκκλησίαν Ἀργεῖον ὄχλον (Orest. 612; cf. 119, 1280 etc.)¹¹. И толпа аргосцев, собравшаяся на холме (Orest. 871 sqq., 884 sqq.), т.е. народное собрание, решает судьбу Ореста. Совсем не случайно Еврипид вкладывает в уста Менелая слова (обращенные к Агамемнону) о том, что не следует чрезмерно бояться толпы (Iph. Aul. 517).

Конечно, далеко не все упоминания толпы у Еврипида "социально маркированы". Толпа (ὄχλος) фригийцев (Eur. Cycl. 199–200), ахейских воинов (Hecub. 521), женщин (Phoin. 196–197), вакханок (Bacch. 1130–1131), метателей дротиков (Rhes. 312–313), воинов (Iph. Aul. 735), данайцев (Iph. Aul. 1030) аргосцев (Iph. Aul. 1546), сатиров (ὄμιλος – Cycl. 100) – обычное явление в полных драматизма пьесах Еврипида, но тенденция несомненна. Даже традиционный (и редко встречающийся у Еврипида) термин ὄμιλος ставится в новый контекст: "толпа моряков" (ναυτῶν... ὄμιλος) – это греки, ворвавшиеся в Трою (Hecub. 921). Еврипид, чутко откликавшийся на новые веяния социальной реальности и интеллектуального прогресса, не мог не уловить усиления значения "толпы", далеко не объясняющегося старым противоречием монарх (тиран) – толпа.

В комедиях Аристофана также встречается слово ὄχλος (11 раз), как и производное от него прилагательное ὄχληρός (3 раза). Прилагательное используется в значении "надоедливый" (Aristoph. Acharn. 460, 462; Thesm. 1075) и не несет никакого политического подтекста. Что касается самого ὄχλος, то он встречается в более поздних пьесах Аристофана ("Лягушки", "Лисистрата", "Женщины в народном собрании", "Плутос"). Единственное исключение – пассаж в "Ахарнянах", когда Дикеополь обращается к дочери:

Иди вперед. Смотри, не будь разинею:
В толпе стянуть недолго драгоценности

(Acharn. 275–276. Пер. С.К. Апта).

Охлос как пространство особой опасности для женщин (так у трагиков) переосмысливается комедиографом в свойственном ему приземленно-бытовому ключе. В "Лягушках" "толпящийся народ" (λαῶν ὄχλος) иронично объявляется чуть ли не средоточием мудрости (Aristoph. Vair. 676 sq.; cf. 219 – "толпящийся народ" за храмовой оградой).

Наконец, в "Женщинах в народном собрании" охлос – это уже граждане в народном собрании:

Хремет. Множество несметное (πλείστος ἀνθρώπων ὄχλος)

Как никогда, народу собралось на Пникс.
На них взглянув, мы скопом за сапожников
Их приняли...

(Eccles. 383 sqq. Пер. А.И. Пиотровского).

Несколькими строками ниже толпа (ὄχλος) собирается рано (на Пниксе), чтобы решить поставленный пританами вопрос о спасении государства (περὶ σωτηρίας... τῆς πόλεως – Eccles. 394 sqq.).

Аристофан выводит бога богатства Плутоса в окружении толпы (ὄχλος), состоящей из справедливых (οἱ δίκαιοι) и прежде малоимущих (βίον ἔχοντες ὀλίγον αὐτῶν):

Но окружен толпою он (Плутос. – С.К.) несметною.
Все люди, что доселе были честными
И бедными, теперь его приветствуют...

(Plout. 750 sqq. Cf. 785 sqq. Пер. А.И. Пиотровского)

¹¹ В данном контексте ἑκκλησία, возможно, не просто "созванная" толпа – здесь, очевидно, содержится аллюзия на ἑκκλησία.

У Аристофана, отразившего реалии афинской жизни, охлос, толпа превращается (как у его старшего современника Еврипида) из сборища людей в сборище граждан. Вряд ли это случайно – это, очевидно, отражает динамику развития афинского общества и даже изменение самооценки афинских граждан. Аристофан мыслил вполне конкретно, и для него это изменение было связано с введением платы за посещение народного собрания. Эта плата была введена в самом начале IV в. и затем очень быстро возросла (к 393 г. была повышена до 3 оболов). В связи с этим агора, где до того народ обычно проводил время, узнавая последние новости, опустела, и масса афинских граждан заполнила Пникс, где собиралась в это время экклесия (Aristoph. Eccl. 183 sqq., 289 sqq., 380 sqq.; Plout. 329 sqq. и др.)¹².

К сожалению, за исключением самого Аристофана, древняя и средняя аттическая комедия известна нам лишь в небольших фрагментах, в которых слово ὄχλος встречается в неполитическом контексте. У Кратина, старшего современника Аристофана, упоминается "множество ячменных зерен" (κριθῶν ὄχλος) (Fr. 227A Edmonds); подобного рода упоминания можно встретить у Анаксандрида (Fr. 54, l. 5–6), Навсикрата (Fr. 1, l. 12). Толпа как скопление людей фигурирует в комедиях последней четверти IV в. до н.э.: например, ὄχλος ионийцев (Antiphan. Fr. 91, l. 3); см. также: Amphip. Fr. 14, l. 5–6.

Употребление слова ὄχλος афинскими трагиками и комедиографами было подчинено той же тенденции, что и в других жанрах. Постепенно оно становится социально (и в меньшей степени эмоционально) окрашенным, чему способствовали социальные изменения в аттическом обществе, изменение позиции и поведения демоса, появление демагогов.

Историография. Писавший на ионийском диалекте Геродот только раз употребил ὄχλος в значении "неудобство, беспокойство" (Herod. I.86.5), но ὄμιλος встречается у него достаточно часто (21 раз). Рассмотрим эти употребления, чтобы попытаться определить различие в применении обоих слов историками.

Геродот употребляет ὄμιλος для обозначения скопления людей, больших людских масс (πολλὸς ὄμιλος, συχνὸς ὄμιλος): "великое множество" греков и варваров жило вокруг города, который Гистийэ строил на р. Стримон (V.23.2); в Кирену собралось "великое множество" колонистов со всей Греции (IV.159.4); в Сесте жили эолийцы, персы и множество (συχνὸς ὄμιλος) других союзников (IX.115); от ударов молнии погибло множество людей (VII.42.2); толпа мужчин (ὄμιλος ἀνδρῶν) обступала девушек во время продажи невест у иллирийских энетов (I.196.1); фараон Сесострис пригнал в Египет множество пленных (II.108.1); одна из вершин Парнаса дала убежище множеству (ὄμιλος) фокидян, спасавшихся от нашествия Ксеркса (Herod. VIII.32.1).

Вполне традиционным также является и соотнесение ὄμιλος с войском: около раненого собирается толпа, как это обычно бывает на войне. – речь идет об осаде Потидеи персами (Herod. VIII.128.2), огромная толпа (πολλὸς ὄμιλος) персидских воинов грабит Сарды (I.88.3); во время осады Вавилона Кир, имея в своем распоряжении огромное множество воинов, разделил р. Гинд на 136 каналов (I.189.4). Приведенные контексты могут, на первый взгляд, свидетельствовать и о том, что ὄμιλος, наряду с многочисленностью, может характеризовать и неорганизованность войска. Однако подобное предположение не подтверждается: Геродот называет ὄμιλος, ἄλλος ὄμιλος как наступавшие на греков вполне организованные вооруженные силы Персидской державы (V.32; VII.184.1–2), так и бежавших после битвы при Платеях персов и их союзников (IX.67: τῶν ἄλλων συμμαχῶν ὁ πᾶς ὄμιλος; IX.70.1). У Геродота ὄμιλος не является оценкой ни состояния, ни качества войск, и, когда историк перечисляет, вслед за конницей, незлитные персидские войска, он дополнительно использует наречие: "...А затем остальная толпа шла вперемежку (...καὶ ἕλειτο

¹² Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy. 2nd ed. Cambr. Mass., 1951. P. 227, 349.

ὁ λοιπὸς ὄμιλος ἦτε ἀναμίξῃ) (VII.41.2). В подобном случае более поздние авторы (и даже современники Геродота) вполне могли бы употребить ὄχλος.

Но наиболее показательное описание скифского похода Дария. Царь оставляет слабых и больных воинов вместе с вьючными животными в лагере, а сам с отборной частью войска (σὺν τῷ καθαρῷ τοῦ στρατοῦ) уходит от преследовавших его скифов, причем эта лучшая часть персидского войска характеризуется Геродотом как ὄμιλος (IV.135.3). Понятно, что в данном случае "отец истории" хотел подчеркнуть то, что с Дарием уходила более многочисленная часть его войска, но никак не то, что она была наименее организованной.

Лишь одно употребление ὄμιλος в сочинении Геродота выделяется из общего ряда. Речь идет о знаменитом "диспуте трех персов" о наилучшем государственном устройстве (Herod. III.80–82). Защитник аристократической формы правления Мегабиз, выступая против передачи верховной власти большинству (πλήθος), говорит: "Ведь нет ничего вероломнее и заносчивее негодной толпы (ὄμιλου γὰρ ἀχρήσιου οὐδὲν ἔστι ἀσυνετώτερον οὐδὲ ὑβριστότερον)" (Herod. III. 81.1); далее речь идет о гордыне (ὑβρις) демоса. С точки зрения Мегабиза, народ обладает теми же качествами, что и тиран, и ὄμιλος, как πλήθος и δῆμος, получает у него резко отрицательную оценку через эпитет ἀχρήσιος – "бесполезный", "негодный".

"Диспут трех персов" принято рассматривать как отклик на развернувшуюся в греческом обществе дискуссия о политическом равенстве, о наилучшей форме государственного устройства, которая нашла отражение и в софистической литературе¹³. Характерно, что в уже в горгиевской "Похвале Елене" дважды встречается ὄχλος (Fr. В 11 Diels. 13, 33). Но "отец истории" для выражения нового понятия (в этом единственном случае, когда такая необходимость возникла в его труде) все же использовал привычный ему ὄμιλος. Можно предположить, что Геродот не использовал слово ὄχλος не из-за его незнания (историк первым использовал производное от него прилагательное ὄχληρός – Herod. I.186.1), но из-за отсутствия интереса к данному социальному феномену.

Совершенно иная картина у Фукидида. Только одно употребление этого термина может быть сопряжено с геродотовским и не несет социального значения (Thuc. I.73.2), а в другом случае, при описании заговора Гармония и Аристогитона, ὄχλος имеет значение сборища людей, в котором Аристогитону удалось скрыться (VI.57.4). Еще три употребления на первый взгляд также не имеют никакого отношения к социальной терминологии: речь в них идет о массе кораблей, не построенных в боевой порядок (I.49.3; II.88.2; VII.62.1), причем синонимом в указанных случаях является πλήθος. Однако характерно, что в трех случаях словом ὄχλος обозначаются уже экипажи кораблей (VI.20.4; VII.62.2; VIII.72.2), ναυτικὸς ὄχλος – та самая афинская "корабельная чернь", которая выступила против олигархов и способствовала восстановлению демократии после переворота 411 г. (причем снова синонимом является πλήθος – ср. Thuc. VI.20.2).

К этому значению примыкает и другое: ὄχλος как толпа непостроившихся воинов, неупорядоченное войско (Thuc. VI.56.1; 126.1; VII.75.5; VIII.25.4). Так, Брасид обращается к пелопоннесцам с призывом сохранить боевой порядок (τάξις), противопоставляя свое войско "полчищам" (ὄχλοι) варваров (VI.126.6). Отступавшее в беспорядке афинское войско в Сицилии все превратилось в толпу и обозначается Фукидидом также как ὄχλος (VII.75.5).

Но ὄχλος в применении к войску может иметь и другое значение: часть войска, не всадники, не гоплиты (Thuc. III.109.2; VII.78.2; 84.2; VIII.92.11). Так, во время сицилийского отступления афиняне опасались нападений всадников и остального войска ("толпы") противника (VII.84.2). Простые воины (ὁ ὄχλος) противопоставляются

¹³ Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy, V.III. Camb., 1969. P. 148 ff. Некоторые исследователи считают Протагора возможным источником "диспута трех персов". См. Waters K.H. Herodotos the Historian. His Problems, Methods and Originality. London-Sydney, 1985. P. 78 f., 93 (перечисление важнейших работ по "диспуту трех персов").

также богатым гражданам (οἱ δυνάτοὶ τῶν πολιτῶν) при описании попытки антидемократического переворота на Самосе (VIII.48.1–3). Гоплиты и многие жители Пирея выделяются из толпы, к которой они обращаются с призывом (VIII.92.11).

Для Фукидида ὄχλος – это и все те, кто не является полноправным гражданином, мужчиной-воином, т.е. женщины, дети, метеки (Thuc. I.80.3; III.87.3; VI.30.2; VIII.48.3). Афинянам противопоставляются "чужеземцы и остальная толпа" (οἱ δὲ ξένοι καὶ ὁ ἄλλος ὄχλος) (Thuc. VI.30.2); при перечислении жертв чумы в Афинах Фукидид пишет: "Из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения (τοῦ δὲ ἄλλου ὄχλου), с точностью установить невозможно" (Thuc. III.87.3). Таким образом, ὄχλος, в противоположность гражданам, не учитывается в гражданских списках.

Однако ὄχλος может обозначать и всю совокупность граждан, весь демос, но лишь в том случае, если он проявляет свои худшие качества, свойственные толпе, либо тогда, когда речь идет о возбужденной народной массе (Thuc. IV.28.3; VI.17.2; 63.2; 89.5; VII.8.2; VIII.86.5). Толпе свойственно поступать из чувства противоречия (VI.28.3), или с излишней самоуверенностью (VI.63.2) – в обоих случаях Фукидид использует выражение οἷον ὄχλος φιλεῖ ποιεῖν. В угоду толпе (τῷ ὄχλῳ πρὸς χάριν) может быть извращено реальное положение вещей, чего опасался Никий (VII.8.2), ὄχλος, ведомый демагогами, может совершать дурные поступки – об этом говорится в речи Алкивиада перед спартамцами (VI.89.5). И, наконец, в другой речи Алкивиада, обращенной к афинянам, дается характеристика населения сицилийских полисов: "Ведь перемешанной толпой обильно населены (ὄχλοις τε γὰρ ζυμμίεκτοῖς πολυανδρούσιν) эти города, и они с легкостью меняют граждан и принимают (новых. – С.К.)" (VI.17.2).

Таким образом, у Фукидида, подобно его современникам Еврипиду и Аристофану, слово ὄχλος уже наполняется социальным содержанием: ὄχλος – это не члены гражданского коллектива, не гоплиты, в общем – не δῆμος, или, во всяком случае, худшая его часть. Демос может превратиться в охлос, утратив порядок (τάξις) во время военных действий или потеряв благоразумие в мирное время и поступая подобно толпе. При этом Фукидид отнюдь не отказывается и от употребления слова ὄμιλος, которое достаточно часто (16 раз) встречается в его труде, но в отличие от Геродота он нередко стремился им обозначать не только (и не столько) многочисленность, но часто и неупорядоченность. Так, Фукидид широко использует ὄμιλος, как и ὄχλος, для обозначения легковооруженных воинов, не всадников, не гоплитов (Thuc. II.31.2: ὁ ἄλλος ὄμιλος ψιλῶν οὐκ ὀλίγος; III.1; IV.112.3; 125.2; VII.58.4), неорганизованного войска варваров в противоположность грекам либо македонцам (Thuc. II.98.4; 100.6; IV.124.1).

"Ὀμίλος у Фукидида – это также большое скопление граждан и просто людей (и в данном случае его употребление вполне соответствует употреблению ὄχλος). Перикл выступал на помосте для того, чтобы его речь была слышна как можно большему числу собравшихся (ἐπὶ πλείστον τοῦ ὀμίλου – Thuc. II.34.8), он же в своей знаменитой речи обращается как ко всем собравшимся жителям города, так и к чужеземцам (τὸν πάντα ὄμιλον ἀστῶν καὶ ξένων ζύμφορον – II.36.4)¹⁴. На проводы сицилийской экспедиции в Пирей собралось все множество жителей (ὁ ἄλλος ὄμιλος ἅπας): и граждане, и чужеземцы, и приверженцы (εὐνοί) афинян (Thuc. VI.30.2; 32.2). В Сицилии множество афинских граждан и воинов стремились поправить свое материальное положение и распространить афинское владычество (VI.24.3). Фукидид использует также выражение ἄλλος ὄμιλος для обозначения граждан Амфиполя – не афинян (IV.106.1). Однако ὄμιλος у Фукидида, в отличие от Геродота, не подчеркивает многочисленность по преимуществу; напротив, Фукидид часто добавлял слово или выражение, характеризующее многочисленность: ὁ ἄλλος ὄμιλος ψιλῶν οὐκ ὀλίγος

¹⁴ В данном случае проявляется важное стилистическое отличие ὄμιλος от ὄχλος: даже в написанной (или реконструированной) речи Перикл у Фукидида не мог назвать своих слушателей толпой. ὄχλος.

(II.31.2); ὁ δὲ ἄλλος ὄμιλος ζῦμμεικτος πλήθει φοβερῶτατος ἢ κολούθει (II.98.4) и т.п.

В двух случаях ὄμιλος у Фукидида имеет резко негативный смысл. В своей речи перед афинским народным собранием Алкивиад характеризует сицилийцев как толпу (ὁ τοιοῦτος ὄμιλος), неспособную спокойно выслушать оратора (Thuc. VI.17.4). А повествуя о возвращении Перикла к политической жизни, историк пишет: "Немного спустя, впрочем, афиняне, как обычно и поступает толпа (ἄπερ φιλεῖ ὄμιλος ποιεῖν), вновь избрали Перикла стратегом и поставили его во главе государства" (Thuc. II.65.4). В обоих случаях ὄμιλος явно соотносится с ὄχλος: в речи Алкивиада немного выше население сицилийских городов характеризуется как "перемешанная толпа" (Thuc. VI.17.2), а для характеристики действий толпы историк использует, как уже было отмечено, выражение "οἷον ὄχλος φιλεῖ ποιεῖν" (Thuc. VI.28.3; 63.2). Вряд ли можно считать удивительным то, что Фукидид употреблял ὄμιλος в своем сочинении: склонность историка к использованию архаизмов общеизвестна¹⁵. Замечательно то, что Фукидид фактически использует старый термин в качестве синонима ὄχλος, причем в некоторых случаях ὄμιλος отрицательно характеризует социальные и социально-психологические качества толпы.

Тенденции, выраженные в "Истории" Фукидида, еще более явно проявляются в сочинениях Ксенофонта. У него слово ὄμιλος вообще не встречается, а ὄχλος крайне редко имеет значение "неудобство, беспокойство, помеха" (Xen. Anab. III.2.27; Symp. 8.4; Hipparch. I.18). Чаще всего у него ὄχλος – либо войско (часть войска), либо сборище (афинских) граждан, причем, естественно, в "Анабасисе" преобладает первое значение, в "Греческой истории" – второе. В "Анабасисе" ὄχλος обычно выступает как terminus technicus для обозначения нестроевой части войска – лагерных слуг, носильщиков и т.п. (Anab. III.2.26; 3.6; 4.26; IV.3.15; 3.26–27; V.4.34; cf. Hell. VI.2.23). Правда, пленники-рабы выделяются из этой массы, хотя и ставятся с ней в один ряд: "Через глашатаев было приказано солдатам после завтрака выступить с оружием в руках, оставив нестроевых и рабов на месте (τὸν δὲ ὄχλον καὶ τὰ ἀνδράποδα αὐτοῦ καταλιπεῖν)" (Anab. VI.5.3. Пер. М.И. Максимовой). Охлос – это и войско варваров (Anab. II.5.9; IV.1.20), особенно явно это значение прослеживается в "Киропедии", где этим термином обозначаются войска противников Кира – Гобрии (Cyr. V.2.35; 4.48), Киаксара (Cyr. V.5.4). Охлос для Ксенофонта (как, впрочем, и для Фукидида) – это нестроившееся, неорганизованное или дезорганизованное войско (Cyr. IV.2.6; V.2.35; VI.1.26; Anab. II.5.9; VII.1.18; Cyneget. 12.5). Отступающее войско аргосцев (речь идет о событиях 392 г.) превращается в большую толпу (Hell. IV.4.11), но спартанское войско отступало в битве при Левктрах в 371 г. под натиском толпы фиванцев (ὕπὸ τοῦ ὄχλου ὄθρουμένοι ἀνεχώρουν) (Hell. VI.4.14). Для лаконофила Ксенофонта даже бегущие спартанцы – не толпа, а теснящие их фиванцы – ὄχλος! В данном случае мы сталкиваемся с исключением, которое еще более подтверждает правило.

Ксенофонт употребляет ὄχλος и в невоенном контексте. "Οχλος может, конечно же, означать у Ксенофонта простое скопление людей: так, Койратиду удалось скрыться в толпе в Пирее и бежать в Декелею (Xen. Hell. I.3.22), по возвращении из Спарты Ферамена и других послов, которые вели переговоры о мире, вокруг них собралась большая толпа (Hell. II.2.21)¹⁶. Однако чаще ὄχλος для Ксенофонта – не нейтральный термин и используется тогда, когда автор пытается привлечь внимание к худшим качествам афинского демоса. Так, Алкивиада встречала на судах толпа жителей Пирея и самих Афин (ὁ τε ἐκ τοῦ Πετραίων καὶ ἐκ τοῦ ἄστεως ὄχλος), причем полководец в ее глазах был "лучшим из граждан" (Hell. I.4.13). Во время обсуждения дела стратегов-победителей при Аргинусах толпа (ὄχλος) кричала, требуя осуждения стратегов (Hell. I.7.13), в результате пританы, за исключением Сократа, поддались

¹⁵ "Фукидид пишет на так называемом староаттическом разговорном языке с известной примесью архаизмов" (Стратановский Г.А. Фукидид и его "История" // Фукидид. История. Л., 1981. С. 436).

¹⁶ Ср. также: Xen. Symp. 2.18; Mem. I.1.14; Peri Hippikes 2.5.

влиянию толпы (Hell. I.7.14–15). Гиерон, обращаясь к Симониду, говорит о пред-
рассудках толпы (Hier. 2.3) – ὄχλος и πλῆθος в данном пассаже выступают как сино-
нимы. Гиерон после захвата им тиранической власти стал бояться толпы (Hier. 6.4).

Но ὄχλος у Ксенофонта иногда имеет и социальное значение. Кинадон, пред-
водитель заговора в Спарте, полагал, что те из заговорщиков, у которых есть оружие
(очевидно, речь идет о неполноправных спартиатах – гипомейонах, мофаках и пе-
риэках), могут его использовать, а что касается остальных (τῶ δ' ὄχλῳ), то они могут
вооружиться ножами и другими подручными средствами (Hell. III.3.37). Очевидно
ὄχλος в данном случае – это илоты и вольноотпущенники, т.е. социальные низы не
просто спартанского общества, а его негражданского населения. В отличие от Афин
для лаконофила Ксенофонта спартанские граждане (даже отступающая спартанская
фаланга) не могут превратиться в толпу. В аристократической утопии "Киропедии"
охлос противопоставляется "кругу друзей" "идеального правителя" Кира (Суг.
VII.5.39). В "Воспоминаниях о Сократе" ἐν τοῖς ὄχλοις противопоставляется ἐν ταῖς
ἰδίαις ὀμιλίαις: "Но разве ты не видишь, – заметил Хармид, – что стыд и страх
врождены человеку и гораздо сильнее проявляются перед народом, чем среди своих?"
(Хеп. Мем. III.7.5. Пер. С.И. Соболевского)¹⁷. Аристократическое, снобистское пре-
небрежение к толпе сближает Ксенофонта с другим учеником Сократа, Платоном, и
отличается от подхода Фукидида. Охлос требует равенства, а не вознаграждения по
заслугам (Суг. II.2.21)¹⁸, а это совершенно неприемлемо для Ксенофонта.

Употребление термина ὄχλος Ксенофонтом в военном контексте во многом совпа-
дает с написанным в середине IV в. сочинением Энея Тактика "О перенесении осады".
Трактат Энея Тактика (которого некоторые исследователи отождествляют с аркад-
ским стратегом Энеем) интересен тем, что написан жителем Северного Пелопоннеса,
хотя и на аттическом диалекте¹⁹. Здесь впервые мы сталкиваемся с неафинским
автором, что позволяет судить об употреблении ὄχλος и вне Афин²⁰. Для Энея Так-
тики ὄχλος – не лучшая (Аен. Такт. I.9) либо неорганизованная (31.27) часть войска, а
также обитатели города, не относящиеся ни к знати, ни к воинам (22.23). Однако
ὄχλος – это и жители полисов, недовольные существующим государственным
устройством и склонные к его ниспровержению: стратегу надлежит наблюдать за
толпой на спортивных состязаниях (17.1), ее следует контролировать при организации
религиозных процессов во избежание попытки переворота (17.6), руководителю же
государственного переворота, напротив, не рекомендуется выходить с толпой (μετ'
ὄχλου) на улицы ночью (23.6).

В своем труде Эней Тактик отразил социальную реальность середины IV в. в
Северном Пелопоннесе, когда низшие слои общества стали принимать активное учас-
тие в политической борьбе и граждане, с точки зрения автора трактата, зачастую
превращались в неорганизованную толпу – ὄχλος.

Ораторское искусство. Нет ничего удивительного в том, сколь редко ὄχλος
употреблялся ораторами, которые выступали перед народным собранием или в судах.
Конечно, часть речей Демосфена (как, например, "Против Мидия"), возможно, так и
не была произнесена, а произнесенные речи (к примеру, "О преступном посольстве")
сокращались и редактировались, однако выступление перед реальной аудиторией

¹⁷ Характерно, что Сократ, отвечая Хармиду, перечисляет всех тех, из кого состоит ὄχλος: "Неужели ты
стесняешься вальяжников, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев,
думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже? А ведь из всех них и
состоит народное собрание" (Хеп. Мем. III.7.6. Пер. С.И. Соболевского).

¹⁸ "Ὀχλος, как и синонимичный ему в данном контексте δῆμος, обозначает население стран Востока, но в
действительности автор имел в виду, конечно же, Грецию.

¹⁹ См. подробное введение к русскому переводу: *Беляев В.Ф.* Эней Тактик – первый военный теоретик
античности // ВДИ. 1965. № 1. С. 239–257; см. также: *Маринович Л.П.* Социально-политическая борьба и
наемничество в Греции в IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 49–77.

²⁰ Мы не можем согласиться с В.Ф. Беляевым, который на основании употребления ὄχλος Энеем
подчеркивает его демократические убеждения (Беляев. Ук. соч. С. 254; ср.: *Маринович.* Ук. соч. С. 57).

предполагало несколько иную направленность и другую стилистическую окрашенность. Тем более важно рассмотреть те немногочисленные употребления *ὄχλος*, которые можно найти в речах Демосфена и Эсхина²¹. У Демосфена *ὄχλος* часто обозначает помеху, беспокойство (Dem. 4.35; 18.214; 19.24)²², по одному разу – толпу, собравшуюся в театре на представление (Dem. 21.59; ср. у Эсхина – толпа людей у алтаря Матери богов – Aeschin. 1.60)²³ и толпу пленников – женщин и детей из Олинфа (Dem. 19.305).

Однако наиболее интересна полемика двух "заклятых друзей" в середине 340-х годов, которая нашла отражение в речи Эсхина "Против Тимарха" (345 г.) и в знаменитой речи Демосфена "О преступном посольстве" (343 г.). Обе они трактуют результаты афинского посольства к Филиппу в 346 г., результатом которого стало заключение невыгодного для Афин мира (и Демосфен, и Эсхин были в составе афинской делегации). Обратимся сначала к более поздней речи.

В ней Демосфен обвиняет своих оппонентов в преступном ведении переговоров с Филиппом и подчеркивает, что он сам всегда разоблачал их в народном собрании: "Кого бы у нас в государстве вы могли назвать наиболее мерзким и преисполненным наибольшего бесстыдства и высокомерия? Я уверен, что никто из вас даже по ошибке не назвал бы никого другого, кроме Филократа. А кого бы назвали самым голосистым, способным громче всех сказать во весь голос все, что пожелает? Уверен, что именно его – Эсхина. А кого они называют нерешительным и трусливым перед толпой, я же – осторожным (τίνα δ' οὗτοι μὲν ἀτολμον καὶ δειλὸν πρὸς τοὺς ὄχλους φασὶν εἶναι, ἐγὼ δ' ἐύλαβη)? Это – меня. И правда, я никогда еще ни с чем не надоедал (ἤνωχλησα) вам и не вынуждал вас что-нибудь делать против вашего желания" (Dem. 19.206. Пер. С.И. Радцига)²⁴.

Демосфен желает внушить своим слушателям, что его противники рассматривают демос, с которым с таким пиететом обращается сам оратор, как толпу (*ὄχλος*), а его уважение к народу – как боязнь толпы.

В свою очередь, Эсхин в речи "Против Тимарха" цитирует самого Демосфена, который говорит, что он должен откликаться и тогда, когда толпа называет его не Демосфеном, а Баталом – по прозвищу, данному ему няней (Aeschin. 1.126)²⁵, причем Эсхин считает это прозвище позорным (Aeschin. 2.99). Здесь снова слушатели-дикасты называются толпой ("толпами"), но не самим оратором, а его политическим противником.

Вне зависимости от политической ориентации ораторы, писавшие речи для выступлений перед судом дикастов или сами выступавшие в народном собрании, не могли себе позволить неуважительного отношения к демосу. С изменением собственной социальной психологии афинский демос все более болезненно реагировал на отождествление себя самого с толпой, *ὄχλος*. Поэтому то, что стало возможным в обращенной к ограниченному кругу лиц публицистике, невозможно было вообразить на ораторском возвышении перед афинскими гражданами. Демосфен и Эсхин упрекали друг друга в отношении к афинскому гражданству как к толпе, но для самих оно оставалось державным афинским демосом.

²¹ В дошедших до нас сочинениях других ораторов V–IV вв. (Антифонта, Лисия, Ликурга и др.) *ὄχλος* не зафиксирован. Весьма симптоматично, что во всем обширном корпусе Лисия ни разу не упоминается это слово: метек, стремившийся получить афинское гражданство, волей-неволей должен был выбирать выражения.

²² Ср. употребление прилагательного *ὄχληρος* (Dem. 19.270), глаголов *διόχλειν*, *παρενοχλεῖν*, *ἐνοχλεῖν* (Dem. 19.270, 329, 206).

²³ Следует отметить, что речь "Против Мидия" (XXI), возможно, не была произнесена.

²⁴ Ср. другую автохарактеристику Демосфена: "Да, правда, ни дерзостью, ни наглостью, ни бесстыдством я не отличаюсь и не хотел бы отличаться, но мужеством, мне кажется, я значительно превосхожу многих политических деятелей, так развязно говорящих перед вами" (Dem. 8.68; ср. 21.189).

²⁵ Βατάλος, вероятно, можно перевести как "занка" или "маменькин сынок" (ср.: Aeschin. 1.131; 2.99; Plut. Dem 4); возможны и другие объяснения. См. Новосадский Н.И. Оратор Эсхин. Περί τῆς παραπρεσβείας. Ч. II. Комментарии. М., 1912. С. 58–59.

Публицистика. Совсем иная ситуация складывалась в публицистике, рассчитанной на узкий круг слушателей, как правило, недоброжелательно настроенных по отношению к демократии. В Псевдо-ксенофоновой "Афинской политике", написанной неизвестным нам ярым противником афинской демократии, ὄχλος встречается лишь однажды. Аноним пишет о том, что палестры, общественные бани и т.п., воздвигаемые демосом для собственных нужд, больше нужны толпе, чем богатым и знатым, которые строят для себя частные гимнасии и бани (καὶ πλείω τούτων ἀπολαύει ὁ ὄχλος ἢ οἱ ὀλίγοι καὶ οἱ εὐδαίμονες – Ps.-Xen. Ath. pol. 2.10). Охлос в данном случае равнозначен демосу, что неудивительно: "старый олигарх", автор трактата, ненавидел демос *per se*, для него важнее противопоставление демоса олигархам, "многих" – "немногим". "Олигархический идеал" в чистом виде скомпрометировал себя после олигархического переворота 411 г. и "тирании тридцати". Однако существовал другой путь – призвать к возвращению "старых добрых порядков", πατριος πολιτεία²⁶.

С этой точки зрения интересно обратиться к сочинениям Исократ. Исократ, значительное влияние на которого оказал софист Горгий, основал в 392 г. в Афинах школу красноречия; в ней обучалась афинская политическая и культурная элита. Исократ сам никогда не выступал с речами; в "Филиппе" (около 346 г.) он писал: "К государственной деятельности я оказался самым неспособным из граждан: нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе (ὄχλω), подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне" (Isocr. 5.81. Пер. В.Г. Боруховича). Здесь отчетливо видно, что Исократ противопоставляет себя как толпе, так и заискивающим перед ней ораторам²⁷. Толпа для Исократ – это все низшие слои гражданского населения, причем он равнозначно употребляет ὄχλος, πλήθος, οἱ πολλοί (Isocr. 2.16, 48–49; ср. 6.78; 18.9). Толпу нужно, по его мнению, держать в рамках, не давать ей впасть в ὕβρις. Так, в речи "К Никоклу" он писал: "Знай, что из всех форм правления – и олигархических, и всяких иных, – те дольше других сохраняются, которые лучше всего заботятся о народе (πλήθος). Ты сможешь отлично управлять народом, если не будешь позволять бесчинствовать толпе (ὄχλος) и не станешь спускать бесчинства над нею другим" (Isocr. 2.16. Пер. Э.Д. Фролова). Толпа не любит советов, ей нужно рассказывать о том, что ей приятно (Isocr. 2.48–49).

В "Никокле" Исократ противопоставляет монарха демагогам: "Одни почитают тех, кто способен произносить речи перед толпою, другие же – людей, умеющих управляться с делами" (Isocr. 3.21. Пер. Э.Д. Фролова). В более раннем "Бусирисе" Исократ пишет о необходимости "приучения" толпы (ὄχλος) к подчинению любым распоряжениям властей (Isocr. 1.26).

Исократ, конечно же, употреблял иногда ὄχλος и во вполне традиционном значении, для обозначения варваров (персов в "Панегирике" – Isocr. 4.150), не граждан (женщин, детей), не воинов (Isocr. 4.96; 6.73; 78). Однако и в своей последней. Панафинейской речи он с неодобрением отозвался о толпах, которые спят на праздничных представлениях (Isocr. 12.263).

У Исократ, как и у его современника Платона, осуждение толпы (ὄχλος) превращается в топос – общее место, воспроизводимое в различных контекстах. Это уже не эмоциональное суждение, но логическая конструкция, призванная подкрепить идеологическую систему автора²⁸.

Философия. Платон часто употребляет ὄχλος в своих сочинениях, причем оно

²⁶ См. классическую работу Рушенбуша (*Ruschenbusch E. ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ // Historia. 1958. Bd 7. Ht 4. S. 398–424*). См. также: *Исаева В.И. Проблема πατριος πολιτεια у Исократ // ВДИ. 1976. № 3. С. 33–50.*

²⁷ В другой речи ("Об обмене имуществом") Исократ также говорит о себе как об искусном ораторе, у которого не хватает смелости предстать перед толпой – ὄχλος (Isocr. 15.192).

²⁸ Ср.: *Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 49.*

близко по значению к *πλήθος* и *δήμος* (ср. *Plat. Gorg.* 454b)²⁹, но зачастую ярко, эмоционально окрашено. Конечно, Платон, подобно своим предшественникам и современникам, нередко употребляет *ὄχλος* просто для обозначения множества, скопления людей: толпы, сопровождающей красивых юношей (*Charm.* 154a), множества египетских детей (*Leg.* 819a–b) и т.п. Скопления людей следует избегать, как это сделал Аполлодор, который в "Пире" объясняет, что не пришел на симпозиум вчера, опасаясь толпы (*φοβηθεὶς τὸν ὄχλον*), а пришел сегодня (*Symp.* 174a).

Однако у Платона *ὄχλος* приобретает и философский смысл. В написанном в 60–50-е годы IV в. диалоге "Тимей" Родитель Вселенной следующим образом сообщает сотворенным душам цель их создания: "Точным и твердым знанием (*λόγος*) держать во власти беспорядочное скопище (*ἀλόγος ὄχλος*) четырех стихий" (*Plat. Tim.* 42c)³⁰. Но *ὄχλος* олицетворяет беспорядок не только в мироздании; существование толпы свидетельствует об отсутствии порядка в государстве.

Оχлос для Платона – это ненавистная и противоположная философу толпа, огромный и сильный зверь, которого ублажают джемудреды-софисты (*Plat. Pol.* 493a–c). "Жизнь всякой людской толпы (*ὁ πᾶς ἀνθρώπινος ὄχλος*) лишена рассудительности либо по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания, либо по обеим этим причинам" (*Leg.* 734b. Пер. А.Н. Егунова). Особенно ненавистны Платону суды: "в судах и других толпах" (*ἐν τοῖς δικάσθησι καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ὄχλοις*) проявляются худшие качества афинян (*Gorg.* 454b, 454e, 455a). Более того, к этому ряду причисляются и экклесиасты, оборотение которых ораторами (*ἢ δὲ δικάστων τε καὶ ἐκκλησιαστών κατὰ τῶν ἄλλων ὄχλων κήλησις*) сопоставляется с искусством заклинателей змей, тарантулов, скорпионов и т.п. (*Euthyd.* 290a). Центральной проблемой для Платона является вопрос о том, насколько "повинующейся" (*πειθόμενος*) будет толпа, можно ли толпе давать знания и какого рода знания следует давать. В диалоге "Филеб" Сократ вопрошает: "Ты, видно, хочешь, чтобы я, как толкаемый и теснимый толпой (*ὕπ' ὄχλου*) привратник, уступил и, распахнув ворота, позволил всем знаниям вливаться в них и чистому перемешиваться с недостаточно чистым?" (*Plat. Phileb.* 62c. Пер. Н.В. Самсонова).

По мнению Платона, даже если толпа и воображает, что понимает гармонию и риторику, в действительности это не так (*Plat. Leg.* 670b). Множество не может мыслить философски (*φιλόσοφον μὲν ἀρα, ἦν δ' ἐγὼ, πλήθος ἀδύνατον εἶναι* – *Pol.* 493e; cf. *Politic.* 292e, 297e, 300e), *ὄχλος*, скопление людей, противопоставляется мудрецам (*Euthyd.* 304d). Наконец, в диалоге "Горгий" Сократ, подводя итог, спрашивает своего собеседника: «Итак, "у толпы" означает – у незнающих (*τὸ ἐν ὄχλῳ τοῦτό ἐστιν, ἐν τοῖς μὴ εἰδόσιν*)?» Горгий соглашается с ним (*Gorg.* 459a).

Однако для нормального функционирования государства толпе должны быть привиты некоторые представления посредством воздействия на воображение (*διὰ μυθολογίας*)³¹. Платон считает, что именно риторика дает возможность убеждать толпу (*ὄχλος*) путем воздействия на воображение (*Plat. Politic.* 304c–d). Толпе невозможно привить абстрактные понятия справедливости и несправедливости, но можно заставить верить (*Gorg.* 454e–455a)³². Для толпы (*τῷ πλείστῳ ὄχλῳ*) при

²⁹ Платон обычно использует *πλήθος* и *δήμος* как синонимы – в качестве примера можно привести речь Алквиада в "Пире" (*Plat.* 215a–222b): *Salkaver S. Finding the Mean. Theory and Practice in Aristotelian Political Philosophy.* Princeton, 1990. P. 222. *Πλήθος* и *ὄχλος* ставятся в один ряд в диалоге "Политик" (*Plat. Politic.* 304c–d).

³⁰ См. Григорьева Н.И. Парадоксы платоновского "Тимея": диалог и гимн // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 59.

³¹ Убеждать, используя основанное на мифе воображение, удобнее и легче, чем с помощью наставления (*Plat. Politic.* 304c). См. Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 59.

³² Сократ говорил Горгию: "Оратор в судах и других собраниях не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только. Ну, конечно, ведь толпа (*ὄχλος*) не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время" (*Plat. Gorg.* 455a).

подобном обучении необходима дисциплина (Leg. 700c). Толпа не должна находиться под влиянием "тиранической личности" (Pol. 565e), трагических поэтов, которые толкают ее на путь тирании либо демократии (Pol. 568b–c), ораторов в судах и народных собраниях. Законодатель не должен останавливаться при применении одной только силы по отношению к толпе, но и действовать убеждением (Leg. 722b).

Очевидно, что частный интерес для Платона менее важен, чем общественный. Но чувства толпы должны быть подчинены просвещенному эгоизму индивида, который стремится к идеальной жизни. Философ презирает неорганизованную толпу за то, что она подчиняет себя удовлетворению прежде всего животных, низменных желаний, не думая об идеальном³³, для него ненавистна власть этого "подобного толпе чудовища" (Plat. Pol. 590b). Философу нужно одержать верх над софистами, которые умеют перевоспитывать людей на свой лад (Pol. 492b–c), над недобросовестными лидерами демоса, которые держат в руках "чрезвычайно повинующуюся толпу" (δημοῦ προεστῶς, λαβὼν σφόδρα πειθομένον ὄχλον – Pol. 565e) и сделать из толпы фундамент "идеального государства".

В дошедших до нас сочинениях Аристотеля ὄχλος встречается 14 раз (11 раз в "Политике" и трижды – в "Риторике")³⁴. Отсутствие термина в "Афинской политике" симптоматично и неудивительно: целью трактата было описание реалий афинской политической жизни и государственного устройства, он был рассчитан на достаточно широкую аудиторию³⁵; поэтому здесь автор отдает предпочтение более нейтральным терминам – πλῆθος, οἱ πολλοί.

Во второй книге "Риторике" Аристотель, рассматривая воздействие поэзии на аудиторию, отмечает, что необразованная толпа более восприимчива к простым типам воздействий, нежели образованная, и приводит почти дословную цитату из еврипидовского "Ипполита" (Eur. Hippol. 989): "соловьем пред сбродом разливаться" (παρ' ὄχλῳ μουσικωτέρως λέγειν) (Arist. Rhet. 1395b 28).

В "Политике" философ использует ὄχλος несколько раз достаточно традиционно, обозначая им толпу женщин и слуг (Arist. Pol. 1265a 17), граждан-неаристократов в аристократическом полисе (Pol. 1305b 28, 30), "худших" граждан, стремившихся поделить имущество осужденных (Pol. 1230a 10). Аристотель предостерегает от преобладания в государстве "рыночной черни" (ἀγοραῖος ὄχλος) над большинством граждан (πλῆθος), которые живут на значительном расстоянии от политического центра (Pol. 1319a 37). По мнению философа, "корабельную чернь" (ναυτικὸς ὄχλος) не следует наделять гражданскими правами (Pol. 1327b 37); она же после Саламинской битвы, вопреки усилиям ареопага, способствовала укреплению демократии в Афинах (Pol. 1304a 22).

Однако для Аристотеля характерно также обозначение словом ὄχλος всего народонаселения (Arist. Pol. 1278a 32), всех граждан (Pol. 1286a 31, 1311a 13), причем синонимом здесь выступает πλῆθος. Подобное словоупотребление характерно и для Платона, однако, в отличие от Платона, отрицательный оттенок у Стагирита отсутствует. Напротив, Аристотель отмечает: "Государство состоит из многих и, подобно тому как пиршество в складчину бывает лучше обеда простого, на одного человека, так точно и толпа (ὄχλος) о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был" (Pol. 1286a. Пер. С.А. Жебелева). Более того, толпой (точнее, толпами) оказываются не только современные философу афиняне, но и граждане πατριὸς πολιτείας: "В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами, касаю-

³³ См. Lodge R.C. Plato's Theory of Ethics. The Moral Criterion and the Highest Good. L., 1966. P. 289, 352.

³⁴ См. также: Карпух С. Aristotle on ὄχλος // Aristotelian Political Philosophy: 6th International Congress on Greek Philosophy. Ierissos, 1994. P. 59. В более поздних сочинениях, относящихся к аристотелевскому корпусу, ὄχλος также встречается, хотя и нечасто. В датируемой концом IV в. "Экономике" ὄχλος обозначает скопление варваров ([Arist.] Oecon. 1348a 34, 1353a 27). См. также: [Arist.] Rhet. ad Alex. 1424b 8, 1441b 26.

³⁵ "От теоретических трактатов (в том числе и от Политики) они (политики. – С.К.) отличаются своей обращенностью к широким читательским кругам и в связи с этим своей литературной обработкой..." (Доватур А.И. Политика и Политики Аристотеля. М.-Л., 1965. С. 328).

щимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии же, после того как от некоторых функций своей власти отказались сами, а другие были отняты у них народом (τῶν ὄχλων παραρρομένων), в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений..." (Pol. 1285b. Пер. С.А. Желелева).

Охлос не вызывает у Стагирита эмоций, он рассматривает толпу как социальную реальность современности и даже далекого прошлого.

Заключение. Согласно распространенному мнению, ὄχλος принадлежало к числу понятий, выработанных сторонниками аристократии (олигархии) для обозначения враждебных ей беднейших слоев населения³⁶. Подобное мнение представляется нам все же несколько однобоким. ὄχλος впервые появляется в период активного словотворчества и возникновения новых понятий в первой половине V в. до н.э., причем вначале употребляется наравне с известным с гомеровских времен словом ὄμιλος, также имевшим значение "толпа", "неорганизованное сборище". Но если ὄμιλος (как и соответствующий глагол ὀμιλεῖν) имеет первоначальное значение связи с чем-либо, общения, близости, то ὄχλος (как и глагол ὄχλειν) становится в совершенно иной смысловой ряд ("беспокойство", "затруднение", "неудобство"). Различие проявилось не сразу: еще Эсхил и Софокл (как и "архаист" Фукидид) употребляли их вполне взаимозаменяемо, а Геродот вообще предпочитал ὄμιλος.

"Великий перелом" свершился в афинском театре. Еврипид и Аристофан часто использовали ὄχλος, после них ὄμιλος практически выходит из употребления³⁷. Это не было случайностью: за ὄχλος стояла новая реальность – реальность социально-политической жизни после-перикловых Афин, в которых толпой оказались не только не-граждане, женщины, метеки, рабы, но и оказавшиеся под влиянием демагогов граждане. Стабильность политической структуры Афин V в. ушла в прошлое, "толпа" (т.е. рядовые граждане) стала принимать активное участие в политической жизни, поддерживая своих лидеров-демагогов и причиняя постоянное беспокойство сторонникам старых порядков. Жившие проблемами современников Еврипид и Аристофан не могли не реагировать на это – они и дали новому понятию "право на жизнь". Особенно велика роль Еврипида – не случайно строку его "Ипполита" процитировал Аристофан. "Свой" для афинской аудитории Аристофан не стеснялся называть своих сограждан толпой, ὄχλος.

Противниками демократии представление о необузданной толпе (ὄχλος) афинских граждан начинает широко использоваться уже после Пелопоннесской войны, в философско-риторических "школах" Платона и Исократы. Они придают этому понятию однозначно негативный смысл и используют его в антидемократической пропаганде, причем аргументы обоих мыслителей удивительно схожи: толпа должна быть "повинующейся" (πειθομενος) и не принимать активного участия в политической жизни. Охлос – это современный Исократу и Платону демос (эти понятия для них вполне синонимичны), разительно отличающийся от коллектива граждан "доброго старого времени", πατριος πολιτεια. Только здесь, в риторических и философских школах IV в. до н.э. ὄχλος получает четкое и недвусмысленное антидемократическое содержание, становится одним из "ключевых слов" олигархического лексикона, прямым, хотя и запоздалым, наследником которого стала впервые появившаяся в труде Полибия ὄχλοκρατία ("власть толпы")³⁸. У Исократы и Платона осуждение толпы впервые превращается в общее место, *topos*, воспроизводимое в разных местах, причем это уже не эмоциональное суждение, а логическая конструкция, призванная подкрепить идеологическую аргументацию.

Однако, несмотря на весьма значительное воздействие идей Платона и Исократы,

³⁶ Сахненко. Ук. соч.: Исаева. Ук. соч. С. 92, 95.

³⁷ Soziale Typenbegriffe... Bd 2. Sp. 1341–1343.

³⁸ Polyb. VI.4.6. 10; VI.57.9. См. также: Ste Croix G.E.M. de. The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to Arab Conquest. L., 1981. P. 611, 614.

не следует преувеличивать их аудиторию – и тот и другой обращались к узкому кругу своих слушателей и единомышленников. Выступавшие в народном собрании (или писавшие речи для выступления в суде) ораторы, вне зависимости от их политических убеждений, не могли позволить себе высокомерного отношения к своим слушателям. И Демосфен и Эсхин в полемике обвиняли друг друга в том, что афинских граждан их политический оппонент воспринимает как охлос. Естественно, что чувствительные к настроениям эkkлeсии и дикастов ораторы в критике действий и настроений демоса не смогли преступить грань, за которой они потеряли бы поддержку своих слушателей.

В других источниках середины и конца IV в. (Эней Тактик, Аристотель) ὄχλος, как правило, не столь эмоционально окрашен и не имеет столь негативного значения, как у Платона и Исократы (промежучточную позицию занимает Ксенофонт). Для Аристотеля граждане досолоновских Афин (πατριος πολιτεια!) – тоже охлос. Демос и демократия были достаточно однозны для противников демократии – может быть, этим и можно объяснить столь позднее появление представления о "власти толпы" (ὄχλοκρατία).

Итак, само появление и расширение употребления слова ὄχλος свидетельствовало о возникновении (во всяком случае, в афинском обществе) новой проблемы – проблемы активного участия всего коллектива граждан в политической жизни полиса. На место аристократов – простатов демоса пришли демагоги, и рядовые граждане – ἰδιῶται – почувствовали, что политические лидеры находятся от них теперь в большей, нежели раньше, зависимости. Бессловесный демос Перикловых и доперикловых Афин превратился в буйный охлос периода падения афинского величия. Компетентность его новых лидеров уменьшилась, однако новый баланс сил обеспечил стабильность афинской политической системы еще в течение нескольких десятилетий.

ΟΧΛΟΣ FROM AESCHYLUS TO ARISTOTLE: HISTORY OF THE WORD IN THE CONTEXT OF HISTORY OF ATHENIAN DEMOCRACY

S.G. Karpyuk

The changed character of Athenian democracy in the last third of the 5th c. B.C. has become a universally accepted statement in scientific literature the roots of which could be found in the pronouncements of ancient authors. As a rule, this assertion is accounted for by the rise of new leaders of non-aristocratic origin who played the leading role in the political life of Athens beginning with the Peloponnesian war. The advancement of the new politicians to the foreground became possible as a result of changes in the social psychology of the *demos*. In general this point of view should be considered right, but in our view it needs some corrections and corroboration not only by certain "selected" quotations from works of ancient authors. To get a complete and reliable picture we have made up our mind to analyze all the uses of the word ὄχλος in all the texts of the 5th–4th c. B.C. up to and including Aristotle. Studying this evolution is interesting not only as an end in itself, it makes it possible to clarify the views of ancient authors who used the word in different contexts, sometimes in different meanings.

According to the popular belief ὄχλος belonged to the concepts created by the supporters of aristocracy (oligarchy) to denote the poorest strata of the population hostile to it. However, this opinion seems to us somewhat one-sided. Ὀχλος surfaces for the first time during the period of active word coining and appearance of new concepts in the first half of the 5th c. B.C. At first it was used on a par with ὄμιλος well-known since Homeric times which also had the meaning of "mob", "unorganized gathering". But ὄμιλος (as well as the verb ὄμιλεῖν) had the primary meaning of "connection with something, contact, affinity", whereas ὄχλος (as well as the verb ὄχλεῖν) belongs to a completely different semantic group ("anxiety, difficulty, inconvenience"). The difference came to light gradually: both Aeschylus and Sophocles (and the archaist Thucydides) used them interchangeably, and Herodotus preferred the word ὄμιλος.

The great change occurred in the Athenian theatre. Euripides and Aristophanes often used ὄχλος, after them ὄμιλος practically went out of use. It was not accidental: ὄχλος denoted new reality, the reality of

the socio-political life of Athens of the late 5th c. B.C., where the mob consisted not only of non-citizens – women, metics, slaves, but also of citizens influenced by demagogues. The stability of the political structure of Athens of the 5th c. was a thing of the past, "the mob" (i.e. ordinary citizens) began to take an active part in political life supporting their leaders – demagogues and causing concern among the supporters of the old order.

Euripides and Aristophanes who shared the problems of their contemporaries and gave the green light to the new concept could not but react to this. Particularly prominent is the role of Euripides. It is not accidental that Aristotle quoted a line from his "Hippolytos". Aristophanes, an "insider" for the Athenian audience did not mince words and called his fellow-citizens a mob.

Opponents of democracy began to widely use the notion of unrestrained mob (ὄχλος) of Athenian citizens after the Peloponnesian war. in philosophical and rhetorical schools of Plato and Isocrates. To them the word often had an unequivocally negative connotation and they resorted to it in anti-democratic propaganda. The arguments of both thinkers are surprisingly similar: the mob should be obedient, it should not take an active part in political life. Isocrates and Plato equated *ochlos* with the *demos* of their time (these notions are synonymous for them), strikingly different from the body of the citizens of the good old times. *πάτριος πολιτεία*. It is only here, in the rhetorical and philosophical schools of the 4th c. that the word ὄχλος acquires a clear and unambiguous negative antidemocratic connotation, becomes one of the key words of the vocabulary of the oligarchy, the direct, though belated, heir of which became ὄχλοκρατία (ochlocracy) first appearing in Polybius. In works by Isocrates and Plato condemnation of the mob turns into a platitude, *topos* reproduced in different places. It is not an emotional statement, but a logical construction designed to buttress ideological arguments.

However, despite a considerable impact of the ideas of Plato and Isocrates, their audience should not be exaggerated. Both thinkers addressed the narrow circle of their like-minded listeners. Speaking at the Assembly (or composing speeches for appearances in court) orators regardless of their political convictions could not take the liberty of demonstrating arrogant attitude towards their audiences. Both Demosthenes and Aeschynus accused each other that their political opponent perceived the Athenian citizens as *ochlos*. It is natural that speakers, sensitive to the mood of the Ecclesia and dicasts, while criticizing actions and moods of the *demos*, could not overstep the line and lose the support of their audience.

In other sources of the middle and the end of the 4th c. (Aeneas Tacticus, Aristotle) ὄχλος is not so emotionally colored and does not have such a negative connotation as in Plato and Isocrates. (Xenophon's position is intermediate). For Aristotle the citizens of pre-Solonic Athens (*πάτριος πολιτεία*!) were also *ochlos*. *Demos* and democracy were rather odious for the opponents of democracy. Probably that is why the idea of ochlocracy (ὄχλοκρατία) appeared so late.

Thus, the mere appearance and extended use of the word ὄχλος testified to the emergence (in Athenian society, at any rate) of a new problem, the problem of the active participation of the body of the citizens in the political life of the *polis*. Aristocrats – were replaced by demagogues, and the ordinary citizens felt that the political leaders depended on them to a greater extent than before. The meek *demos* of Periclean and pre-Periclean Athens turned into the unruly *ochlos* of the period of the decline of Athenian greatness. The competence of its new balance of forces secured the stability of the Athenian political system for several more decades.